

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	12
Глава третья	23
Глава четвертая	48
Глава пятая	66
Глава шестая	71
Глава седьмая	85
Глава восьмая	94
Глава девятая	106
Глава десятая	119
Глава одиннадцатая	125
Глава двенадцатая	134
Глава тринадцатая	144
Глава четырнадцатая	153
Глава пятнадцатая	161
Глава шестнадцатая	167
Глава семнадцатая	173
Глава восемнадцатая	183
Глава девятнадцатая	189
Глава двадцатая	200
Глава двадцать первая	214
Глава двадцать вторая	219
Глава двадцать третья	238

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Есть в Пекине две башни — Башня колокола и Башня барабана¹. Позади них стоит множество пансионатов, один из которых зовется «Небесной террасой». На его узких и невысоких дверях красуется блестящая латунная дощечка с надписью: «Специально для студентов. Полное обслуживание и стол». В действительности же эта надпись ни к чему не обязывала. «Специально для студентов»? Но в комнаты, если они пустовали, могли поселить кого угодно, даже имеющих весьма отдаленное отношение к наукам. «Полное обслуживание и стол»? Но тому, кто не хотел сбросить лишний вес, не рекомендовалось столоваться в «Небесной террасе», хотя плата за еду здесь была так же высока, как и плата за жилье.

И все-таки дела пансионата не шли хуже от того, что вывеска оставалась только вывеской. Что и говорить, состав жильцов здесь был весьма пестрым,

---

¹ Башни, воздвигнутые еще в XIII—XIV вв. На первой из них был колокол, а на второй — барабан, которые вплоть до XX в. служили для отбивания «страж», обозначающих время.

пища оставляла желать лучшего, но студенты валили в «Небесную террасу» валом, потому что здесь можно было насладиться вещами, не дозволенными в других пансионах. Если, к примеру, будущий ученый муж хотел сыграть в кости, хозяин представлял ему для компании девицу не первой молодости, зато уверял, что ее можно сравнить только с цветком или нефритом. Если клиент желал выпить, ему подавали настоящий «раскаленный нож»¹, который завозят контрабандой с севера, налитый в свиные пузыри.

В пансионе было всего двадцать комнат, а жильцов — примерно тридцать, поскольку некоторые жили по двое, а сразу двумя комнатами не владел никто. Двор делился пополам невысокой стенкой, разрисованной фигурами людей, чертей и лис. Говорили, будто это эпизоды из «Странных историй Ляо Чжая»², но, к несчастью, так никто и не мог определить, что это за эпизоды.

Внешняя и внутренняя части пансиона сильно отличались друг от друга. Передний дом был довольно чистым и состоял из пятнадцати комнат, выходивших окнами на три стороны — север, юг и запад. В заднем доме находились остальные пять комнат (две выходили на север, а три — на запад) и четыре подсобных помещения: контора, кладовая, кухня и уборная. Студенты, любители старины, не раз слышали от хозяина, что прежде в этих

---

¹ Название одного из видов китайского самогона.

² «Странные истории Ляо Чжая» — собрание новелл знаменитого китайского писателя XVII в. Пу Сунлина.

домах жили две семьи и что разрисованная стенка воздвигнута на месте прежней высокой стены. Еще хозяин со слезами добавлял, что, когда эту развалившуюся стену ломали, он обнаружил в ней небольшого медного бодхисаттву¹, продал его за три серебряных доллара, а потом кто-то перепродал божка одному американцу за шесть долларов... Любители старины до сих пор сочувствуют хозяину, но мало кто знает о том, какой эпохи этот бодхисаттва.

Внешний дом обитатели прозвали «запретным городом»² — за его строгость и официальность, а внутренний — сеттльментом³, за тишину и уединенность. Следует признать, что эти названия были даны весьма метко, так как в переднем доме (там из пятнадцати комнат целых две не протекали во время дождя!) квартирную плату взимали более высокую и его жильцы чувствовали себя истинными аристократами, а в заднем доме, удаленном от улицы, было очень удобно пить вино и играть в кости. Особенно тихо и уединенно, словно в сеттльменте, было в уборной: там жилец мог отсидеться, если, скажем, не желал видеть кого-нибудь из приятелей или заимодавца — точь-в-точь как политики, скрывающиеся от властей, отлеживаются в иностранных больницах.

---

¹ Бодхисаттва — воплощение Будды.

² Так называлась территория Зимнего дворца в Пекине, именуемого Древним.

³ Сеттльмент — обособленные кварталы в центре некоторых крупных городов Китая в XIX — начале XX веков, сдаваемые в аренду иностранным государствам.

Описать обитателей «Небесной террасы» — дело нелегкое, поскольку они постоянно менялись и редко жили здесь больше полутора лет, исключая тех, кто не любил переезжать с места на место. Кроме того, каждый из них обладал особым обликом и характером, которые следовало бы изобразить подробно, так как биография любого человека не лишена интереса. Скажем, Ван Верзила, живший в заднем доме, любил распевать арии из музыкальной драмы «Рассечение желтого халата», а Сунь Мин-юань из переднего дома славился кашлем, напоминающим разрывы хлопущек. Глубокой ночью Ван своим пением старался заглушить кашель Суня, и об этом можно написать целый роман. Стоило бы изобразить и длинную трубку владельца пансиона Цуя, и не менее длинный синий халат слуги Ли Шуня — с короткими рукавами, широким воротом и вечно оторванными пуговицами. Но мы вынуждены отбирать главное и писать просто, хотя сознаем, что наше упрощенное изображение далеко от подлинной жизни «Небесной террасы». Очень хотелось бы, чтобы у читателя нашей книги в ушах все время стояли пение Вана и кашель Суня, а перед глазами — трубка Цуя и халат Ли Шуня, тоже не лишенный некоторой исторической ценности. Только так читатель сможет хотя бы в небольшой степени постичь сложную обстановку в пансионе «Небесная терраса».

Когда старуха покупает хурму, она выбирает самую крупную; когда историк пишет о прошлом, он предпочитает писать о людях необычных — к примеру, с красными бородами и синими лица-

ми¹. Естественно, что и прозаик часто впадает в такую же вкусовщину, хотя обычно он умнее старух и историков и понимает, что большая хурма может вдруг оказаться чересчур терпкой, а люди с красными бородами и синими лицами не обязательно героические личности. Так или иначе, но из всех обитателей «Небесной террасы» нам придется выбрать лишь нескольких.

Самой лучшей и самой просторной комнатой считался третий номер, то есть средняя из комнат переднего дома, выходящая окнами на север. Это были своего рода императорские покои, Дворец золотых колокольчиков, и жить в нем полагалось человеку незаурядному, способному властвовать над обоими домами пансиона. И он действительно был самым давнишним обитателем «Небесной террасы», живым носителем ее истории. Стоило ему шевельнуть пальцем, как атмосфера в пансионе резко менялась. Мало того, он был поистине скромным и благородным человеком, уважительно относившимся не только к друзьям, но и к слугам, которые редко слышали от него дурное слово. Лишь изредка, когда ему приносили чересчур жидкий чай или сверх меры подогретое вино, он ласковым голосом, напоминающим звон золотых и нефритовых украшений, говорил: «Мерзавец!»

Но это еще не все. Он был автором трактатов «Введение в игру в кости» и «Основные прин-

---

¹ Так в классическом китайском театре гримировали героев, совершавших подвиги.

ципы музыкально-театральной критики», благодаря чему соседи не просто любили его, а гордились тем, что живут рядом с таким просвещенным человеком. Он учился в университете Прославленной справедливости, занимался философией, литературой, химией, социологией, ботаникой, изучал каждую по три месяца и не требовал после этого ни диплома, ни ученой степени: ведь он трудился ради науки. Но и это еще не все. Обитатель третьего номера был почтительным сыном, хотя его обуревали и новые идеи, направленные против конфуцианского принципа сыновней почтительности. Каждый месяц он писал родителям по крайней мере два письма и, торопя с высылкой денег, заканчивал оба свои послания так: «Низко кланяюсь, берегите себя!»

Кто же был этот таинственный обитатель третьего номера? Он носил фамилию Чжао — первую из «Ста фамилий»¹ — и имя Цзы-юэ, которое означало «Мудрец сказал...». Такими словами начиналась книга «Изречения и беседы»².

Все в Мудреце соответствовало его имени и фамилии. Его нос был первым во всей Поднебесной: острый и крючковатый, словно клюв коршуна, но отнюдь не уродливый. Глаза как у собаки, всю жизнь сторожившей один и тот же дом. Губы полные и выпяченные вперед, словно пяточок у Благо-

---

¹ «Сто фамилий» — список наиболее распространенных китайских фамилий, одно из учебных пособий в начальной школе.

² «Изречения и беседы» — книга, приписываемая Конфуцию и содержащая его беседы с учениками.

честивого кабана¹, ходившего на Запад за буддийскими книгами. Нос, похожий на клюв коршуна, собачьи глаза, свиной пяточок и нежное человеческое сердце — все это, вместе взятое, делало Мудреца не только душой общества, но и душой самого мироздания!

Щедро наделенный природой, Чжао Цзы-юэ прекрасно разбирался буквально во всем. Его зимний халат, который он носил, не снимая с первых холодов до летней жары, был подбит самой длинношерстной и белоснежной овчиной. Ультрамодные туфли — ни для зимы, ни для лета — были сделаны в Японии из английской кожи, запах которой разносился далеко вокруг... Мудреца нельзя было ни с кем сравнить ни в морали, ни в учености, ни в умении говорить, да и не стоило этого делать! Объясняя свое презрение к дипломам и ученым степеням, Мудрец заявил:

— Если когда-нибудь я и пожелаю получить ученую степень, то не доктора философии или литературы. Я стану первым в мире доктором всеобщих наук!

Лишь двумя обстоятельствами Мудрец был не совсем доволен: тем, что жил в третьем, а не в первом номере, и тем, что в прошлом семестре обнаружил свое великолепное, исполненное глубокого смысла имя в самом конце экзаменационного списка. Однако (и это очень важно!) соседи называли его третий номер Дворцом с золотыми коло-

---

¹ Благочестивый кабан — герой многих китайских легенд и знаменитого романа XVI в. «Путешествие на Запад» У Чэньэня.

кольчиками, значит, фактически он был первым. То же самое можно сказать и об имени, если читать список с конца. Мудрец удовлетворенно смотрел в зеркало, и печали его таяли, словно снежинки. Еще бы! Ведь, по существу, для них не было никаких оснований.

Оставалась, правда, еще одна неприятность, от которой избавиться было не так легко, как от двух первых: десять лет назад, когда Чжао Цзы-юэ исполнилось пятнадцать лет, его женили на девушке с бинтованными ножками. Во время медового месяца, опьяненный любовью, он сочинил целую сотню четверостиший об этих ножках — «золотых лотосах»; еще и сейчас на книжных лотках за каких-нибудь три медяка можно купить его сборник «Маленькие ножки». Но с тех пор вкусы переменились, и почти никто больше не восхищался «золотыми лотосами», напротив, все в один голос твердили, что бинтованные ноги безобразны, и Мудрец, всегда тонко чувствующий эпоху, тоже не остался глух к новым веяниям. Чем чаще он любовался фотографиями обнаженных западных красавиц, выставленными в фотовитринах, тем с большим раздражением думал о «маленьком вонючем крабе» (так он называл свою жену), живущем у него дома.

Чжао Цзы-юэ был истым ученым с помыслами высокими, как небо, и безбрежными, как море, поэтому он хотел лишь наслаждаться подлинной красотой, найти смысл жизни и не исповедовал никакой религии, способной только одурманивать людей. Но с того дня, как Мудрец прозрел и увидел

все недостатки собственной жены, он расстроился до такой степени, что перестал пренебрегать религией, дабы обрести душевное успокоение. Только он решил верить не в Будду, не в Конфуция, не в Маркса и не в священную девятихвостую лисицу даосов, а в безжалостного китайского сатану с непроницаемым, точно железо, лицом. Каждый раз после выпивки или игры в кости Мудрец чувствовал, что должен отдаться духовному совершенствованию и, простершись на полу, горячо молил:

— Почтительно прошу тебя послать хоть какого-нибудь беса, чтобы он призвал к тебе мою жалкую половину, а мне дал красавицу нового типа и позволил вкусить сладость истинной любви! Да здравствует сатана! Аминь!

Помолившись, Мудрец испытывал немалое облегчение, как будто душа его омылась в священном лотосовом пруду. Он прикрывал глаза, и ему казалось, будто ненавистная жена с маленькими ножками черной стрелой летит прямо в ад. Затем вокруг разливалось золотое сияние, на небе появлялись тысячи радуг, и с них плавно спускались бесчисленные феи нового образца. Становилось так радостно и светло, как бывает на лучших пекинских улицах, когда там зажигают двадцатисвечевые фонари. Сердце Мудреца начинало учащенно биться, кровь бурлила, и он в нетерпении восклицал: «Спускайтесь же скорее, скорее! Идите ко мне!» И очередная бутылка подогретой водки, приятно обжигая пухлые губы Мудреца, проникала в самые сокровенные тайники его души.

Бедный Мудрец!